

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КАЗАКОВА

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
аспирант сектора литературоведения Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
mvk-2013@bk.ru

**СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ В БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ А. И. МИШИНА
(Олега Мишина – Армаса Хийри)**

Представлены результаты анализа репрезентации символики деревьев в билингвальном творчестве народного поэта Республики Карелия А. И. Мишина (О. Мишина – А. Хийри) в 1970-е годы. Целью статьи является исследование символического ряда образа дерева в поэзии А. И. Мишина. Рассматривается, как в творчестве поэта переосмысливаются традиционные представления прибалтийско-финских народов о характере взаимоотношений человека и природы (леса). Актуальность и новизна исследования состоят в том, что творчество поэта исследуется с данной точки зрения впервые. Показано, что образ дерева в лирике поэта приобретает символическое значение обновления жизни, возрождения: лирический герой идет в лес, к дереву, чтобы познать самого себя, обрести душевное равновесие, нарушенное хаосом повседневной жизни. Встречаются как обобщающие образы: лес, деревья, так и конкретные названия деревьев, очерчивающие лесной и городской пейзажи. Доминирующий образ сосны выступает символом стойкости, негибкости и верности. В билингвальной лирике образ дерева приобретает значение памяти поколений, вырастая в образ словесного древа, символизирующего возвращение лирического героя к своим истокам посредством родного языка и культуры.

Ключевые слова: билингвизм, символика деревьев, литература Карелии, А. И. Мишин, национальный код, мировое древо, словесное древо

Для цитирования: Казакова М. В. Символика деревьев в билингвальной лирике А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 31–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.348

ВВЕДЕНИЕ

Природные образы, в частности деревьев, всегда занимали важное место в творчестве писателей Карелии, и связано это с особым отношением человека и природы, где последняя является неотъемлемой частью духовного мира человека. Отметим, что исследованием репрезентации растительных образов в творчестве карельских авторов занимались ученые Э. Л. Алто, В. П. Ершов, Е. И. Маркова, В. И. Николаев, В. Г. Солоненко, Н. В. Чикина, Е. Шокальский [1], [3], [5], [7], [8], [9]. Однако заявленная тема в литературоведении Карелии изучена недостаточно, что позволяет нам продолжить исследование символики деревьев на примере билингвального творчества карельского поэта А. И. Мишина.

Народный поэт Республики Карелия Армас Иосифович Мишин (Олег Мишин – Армас Хийри) (1935–2018) родился в Ленинградской области в семье финнов-ингерманландцев. Его детство протекало среди финноязычного сельского населения, но было прервано в 1941 году спешной эвакуацией вглубь России, в Сибирь, из-за начавшихся военных действий. Посколь-

ку российские финны попали в число интернированных народов, то после окончания Второй мировой войны им не разрешалось вернуться в родные места. Так будущий поэт оказался в Пудоже, в маленьком карельском городке преимущественно с русским населением. Не только в школе, но и дома он говорил по-русски. Поступив учиться в Карельский педагогический институт, он обрел постоянное место жительства в Петрозаводске, где, несмотря на значительную в 1950–1980-е годы финскую и финноязычную диаспору, преобладало русское и русскоязычное население. Не имея возможности в рамках небольшой статьи останавливаться на биографии А. И. Мишина, укажем, что он и Р. Такала стали первыми поэтами-билингвами, пишущими на русском и финском языках, для чего потребовалось не просто восстановить в памяти забытый материнский язык, но и освоить его литературный контекст и осмыслить его поэтическую символику, поэтому А. И. Мишин хорошо изучил образно-символическую природу народных текстов, что, в свою очередь, отразилось и в его художественном творчестве.

Целью данной статьи является анализ символического значения образа дерева в творчестве А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) 1970-х годов. Предмет исследования – русскоязычные сборники стихов поэта «Солнечный день» (1970), «Теплотрасса» (1972), «Второе зрение» (1973), «Тревожность» (1978) и финноязычный сборник «Ikkunani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир») (1976). Русские стихи А. И. Мишин подписывал именем «Олег Мишин», финские – «Армас Хийри», статьи и переводы – паспортным именем «А. И. Мишин». Чтобы не запутать читателя, говоря о стихах, будем употреблять двойное имя автора – Олег Мишин – Армас Хийри, в остальных случаях – А. И. Мишин.

Для финно-угорских народов: финнов, карелов, вепсов, проживающих в районах Карелии и Ингерманландии (нынешняя территория Ленинградской области), природные образы

связаны как с их традиционным укладом жизни, которая протекает в непосредственной близости с природой и воспринимается как нечто единое с человеком, так и с зафиксированными в карельском, финском и вепском устном народном творчестве архаическими представлениями этих народностей об организации своего пространства.

В лирике О. Мишина – А. Хийри мы встречаемся не только с обобщенными образами: лес, дерево, но и с конкретными названиями деревьев, характерными для ландшафта описываемой местности: это сосна и ель, береза и тополь, дуб и клен, верба и осина. Естественно, что в зависимости от поставленной перед поэтом задачи интерес к данному образу то увеличивался, то уменьшался, то доминировал один вид дерева, то другой, однако полностью этот образ не исчезал из его поля зрения. Обратимся к приведенной ниже таблице.

Название сборника стихов	Всего упоминаний деревьев	Лес	Дерево	Сосна	Ель	Береза	Дуб	Тополь	Верба	Осина	Клен
«Солнечный день» (1970)	35	11	2	2	8	2	2	5	1	1	–
«Теплотрасса» (1972)	19	9	1	5	1	–	–	2	1	–	–
«Второе зрение» (1973)	21	3	2	3	1	6	3	–	1	–	1
«Тревожность» (1978)	26	6	6	3	2	2	–	–	3	1	–
«Ikkunani katsoo maailmaan» (1976)	16	5	6	3	–	–	–	–	1	–	–

В сборнике «Солнечный день» 35 раз упоминаются образы деревьев, наиболее часто употребляется обобщенный образ леса (11 раз), доминирующим, конкретизирующим образом является ель (8 раз). Обратим внимание на то, что тополь – символ городского пейзажа – используется в стихотворениях 5 раз. Сборник стихов «Теплотрасса» уступает другим русскоязычным сборникам этого периода по количеству упоминаний образов деревьев – всего 19. Из них доминирует лес – обобщенный образ (9 раз) и сосна – конкретный образ (5 раз). Обращаясь к описанию городского пейзажа, поэт прибегает к образу тополя (2 раза). В сборнике «Второе зрение» 21 раз поэт использует образы деревьев. Из них доминирующим является береза (6 раз), а также довольно частотны образы сосны (3 раза) и дуба (3 раза). Сборник «Тревожность» представляет несколько иную картину. Всего деревья упоминаются 26 раз. Из них доминирующими являются обобщающие образы леса (6 раз) и деревьев (6 раз), сосна и верба употребляются по 3 раза каждый. В финноязычном сборнике стихов «Ikkunani katsoo maailmaan...» («Мои окна

смотрят в мир...») всего встречается 16 упоминаний о деревьях. Из них доминируют собирательные образы леса (5 раз) и деревьев (6 раз). Сосна в сборнике также встречается довольно часто (3 раза).

Как видим, количественный анализ указывает на значительную частотность данного образа в лирике О. Мишина – А. Хийри 1970-х годов, что позволяет поэту воссоздать и типичный городской пейзаж, и лесной ландшафт. В лирике этого периода преобладают обобщающие образы леса и деревьев (51 раз): лирический герой – горожанин идет в лес, который воспринимается им как место встречи с самим собой, где «собственное сердце слушать можно // я его не слышал так давно» (1972: 19)¹. Обретая себя, он готов впустить в свое сердце и новых друзей. В мире лесном его друзья – деревья: сосна, береза, ель, дуб, тополь, верба и т. д.

В билингвальном творчестве поэта природа живет своей жизнью и, что удивительно, жизнью лирического героя. Как писал А. Гидони, для Мишина природа – это двойник человека, его «другое» я, но именно потому, что оно – другое,

оно не может существовать разобщенно от «“я” человеческого» [2: 124]. Соглашаясь с А. Гидони, скажем, что образы природы в стихах О. Мишина – А. Хийри антропоморфизированы: сосна машет веткой, дуб хандрит, березняк молчит, лес вздыхает. Это сближает лирического героя с миром природы. Деревья, как близкие люди, «замерли // в аллеях парка, как в строю // В часы такие словно заново // я начинаю жизнь свою» (1972: 5).

Для лирического героя природный мир – это идеальный мир, в котором все построено по законам гармонии и взаимообусловленности. В его же мире баланс нарушен и разрушен, тревога сменяется разочарованием и унынием, поэтому герой обращается к космосу природному, чьи стойкость, выносливость и вера в неперемное весеннее возрождение помогают ему с надеждой взглянуть в будущее.

Анализируя поэзию 1970-х годов, Е. И. Маркова пишет: «Космическая гармония лирики 60-х сменяется образами вселенского Хаоса, ведущего к пустоте» [4: 269]. Ощущение тревоги нарастает и в стихотворении О. Мишина – А. Хийри «Под дождем облетевший до срока» (1973), в котором гармония и согласие нарушены: ветер завывает, стонет березняк. Лирический герой осознает надвигающуюся опасность, чувствует свою незащищенность и одиночество, пытается нащупать и проложить свой путь, но «на макушке березы сорока – // в никуда указательный знак» (1973: 6)². Поэтому теперь, когда герой обращается к природе, изменяется вектор движения: лирический герой движется вглубь лесного мира, рассматривает, изучает его изнутри. Пространство сужается, и образы конкретизируются, приобретая все более выраженные человеческие очертания, как, например, в стихотворении «Сосна»:

Где только ветра со свистом
проносятся над крутизной,
сосна ухватила за выступ
жилистой пятерней (1972: 18).

Символом недюжинной силы выступает в этом стихотворении сосна, которая готова отстаивать свое право на жизнь в любой борьбе. В вышеупомянутом стихотворении корни дерева не только походят на руку человека, но и обретают четкий «рисунок». Жилистая пятерня – образ исключительной стойкости, упорной борьбы за право на существование. Так и любовь в лирике Мишина представлена в образе сосен, которые «живут одной землей, // одною высью» (1978: 73)³, их сплетение настолько прочно, как и крепка истинная любовь, живущая в двух измерениях: земном и небесном. В лирике О. Мишина – А. Хийри чаще встречается образ одного дерева, вокруг которого выстраивается пространство,

а в стихотворении «Своей судьбы отдельно от твоей» из сборника «Тревожность» их два – две сосны, они слиты воедино. Таким образом, центром мироздания становится любовь, созидательная сила которой способна возродить мир из тленного хаоса.

Известно, что карелы знамениты своими эпическими песнями, в малом количестве они сохранились на территории Ингерманландии. Нельзя не вспомнить и эпическую поэму «Калевала», созданную Элиасом Леннротом на основе народного творчества карелов и финнов. В связи с заявленной темой нас особо интересует образ мирового дерева, который в народных рунах и «Калевале» ассоциируется с образом Большого дуба. С точки зрения архаических представлений это дерево является связующим звеном между подземным, земным и небесным мирами. Корни дерева существуют в нижнем мире, который населен темными духами; его ствол организует земную жизнь, а ветви и крона устремлены в небесное пространство, в мир богов. Таким образом, дерево выступает символом гармонии мира, где все живет, существует во взаимосвязи друг с другом. Когда установленный порядок нарушается,

«дерево становится символом угрозы миропорядку: вырастая до небес, оно закрывает собой сияние солнца, луны, звезд, останавливает бег туч и облаков, тем самым нарушая былое равновесие»⁴.

Поскольку О. Мишин – А. Хийри по природе своего поэтического таланта – лирик, то эпический образ вплетался в ткань его стиха крайне редко и, безусловно, был заявлен в редуцированном виде. Однако, учитывая, что он совместно с Э. С. Киуру являлся переводчиком канонического текста «Калевалы» (1998) на русский язык, то обходиться без этого образа он не мог. Как ни парадоксально, но в 1970-е годы мы обнаруживаем доминирование данного образа не в финноязычной, как ожидалось, а в русскоязычной лирике. Например, в стихотворении «Весь день дождит...» из сборника «Солнечный день» (1970) лес – мрачен, царит уныние и увядание, «вокруг чернеют пни и сучья. // И лишь перед заходом солнца // (хотя его в помине нет, // а дождь ещё сильнее льется) // все озарит внезапный свет» (1970: 55)⁵. Мы видим четкую оппозицию верх – низ, где кроны деревьев, ветви будто принадлежат миру небесному, излучающему сияние, а стоящие рядом пни – земному; корни сосны – нижнему, подземному. Преображается мир вокруг, он наполняется светом, и то, что до этого казалось тленным, оживает, перерождается:

Тем светом все стволы облиты,
Как будто бы забрел день.
Мерцают травы, сучья, листья.

Пылает обомшелый пень.
Счастливей всех в сиянье этом
в рубцах и ссадинах
сосна (1970: 55).

Ствол сосны в рубцах и ссадинах в данном контексте олицетворяет непростой жизненный путь человека, наполненный лишениями и утратами и в то же самое время озаренный светом, он становится в радость и воспринимается уже как благо. Мир вокруг лирического героя меняется на глазах, да и его «душа тем светом // как изнутри озарена» (1970: 55).

В литературе 1970-х годов возрастает значение категории памяти. Популярным становится образ-символ дерева памяти. В лирике О. Мишина – А. Хийри этот образ-символ ассоциируется с образом мирового древа. Если мировое древо структурирует пространство (верхний мир – земной – нижний), то дерево памяти – время (прошлое – настоящее – будущее). Интересным представляется замечание, высказанное им в книге «Путешествие в “Калевалу”» о значении эпизода о Большом дубе в эпосе: он

«несет глубокую мысль: человеческая деятельность на земле может вызвать явления, которые нарушают гармонию и могут привести к гибели жизни, а следовательно, нужна во всем разумность» [б: 131].

Именно поиском рационального равновесия занят лирический герой билингвальной лирики О. Мишина – А. Хийри 1970-х годах, баланса настоящего и прошлого во благо будущего.

Дерево выступает у него как символ памяти, связи поколений ушедших с поколениями будущими. Оно разрастается «вширь и ввысь – во все концы // сквозь века, пространства, беды» (1978: 58), охватывая все пространство природного Космоса, тем самым приобретая в сознании лирического героя черты мирового древа.

Тема памяти в творчестве О. Мишина – А. Хийри связана с образом малой родины, с вопросом о родном языке. Если в финской лирике поэта образ дерева обретает значение символа памяти родного языка, листья которого подобны словам, готовым со временем обрести истинную форму и расцвести в полной мере, то в русскоязычных стихах лирический герой чувствует «ощущенье острой // вины и грусти на душе, // что я забыл язык отцовский // и вспомнить не могу уже» (1970: 86). Природные образы Карелии во многом совпадают с природными образами Ингерманландии, малой родины поэта. Описывая отдельные деревья, леса, озера, лирический герой будто постепенно приближается к своему дому. Срок жизни дерева больше, чем срок жизни человека. В отличие от

людей, покидающих по своей воле или против своей воли родной край, деревья остаются на своей земле, поэтому они наделены, по словам поэта, памятью поколений. Процессы увядания и цветения, смерти и рождения в жизни природы и человека находят отражение в стихах, посвященных своей малой родине Ингерманландии, некогда забытому родному финскому языку и его носителям – ингерманландцам. Не случайно слова финского языка разлетаются у него, как листья. Тоска по утраченной малой родине, по родной культуре и языку аккумулируются у О. Мишина – А. Хийри в образе дерева.

Unohtuivat miltei kaikki sanat.
Muistissani säilyivät
vain muutamat:
äiti isä
Leipä
aurinko
maa.
Kuin silmut
ne odottivat aikaansa (1976: 9)⁶.

Забылись почти все слова.
В моей памяти сохранились
лишь несколько:
мать отец
Хлеб
солнце
земля.
Как почки
они ожидали своего времени⁷.

Надо отметить, что тихая печаль об утраченной культуре и языке трансформируется здесь в светлую надежду на возрождение. «Äkkiä // toinen toistensa jälkeen // kevätlehtina // äidinkieleni sanat // puhkesivat viheriöimään» (1976: 9) («Вдруг // друг за другом // весенними листочками // слова родного языка // зазеленели»). Лирический герой верил в возможность снова заговорить на языке предков так же, как и дерево знает лишь временную наготу и уповаает на новый расцвет – новое рождение и бессмертие. Обратим внимание на слова «мать», «отец», «хлеб», «солнце», «земля», которые остаются в памяти лирического героя и становятся отправной точкой пути к родному языку. Здесь, во-первых, снова наблюдаем оппозицию верх/низ, где «солнце» символизирует верхний мир, который благословляет лирического героя на возвращение к истокам, а слова «мать», «отец», «хлеб», «земля» – символы, имеющие онтологическое значение, организующие его земную жизнь. Во-вторых, в стихотворении перечисление существительных не отделяется запятыми, потому что это единое целое, без которого невозможно существование человека. В-третьих, строфа завершается не образом подземного мира, что предполагает трехмерная пространственная структура, а образом почек

дерева, то есть образом «верхнего» мира – дерево, которое вот-вот расцветет.

В лирике Мишина дерево выступает как символ терпения, стойкости, мужественности, оно готово вынести все сложности борьбы с природной стихией за право на существование: морозной зимой, когда все голо, бездыханно и безжизненно, верить в весеннее возрождение, а весной помнить о временности и мимолетности периода расцвета. Лирический герой олицетворяет себя с деревом, которое является для него воплощением нравственного идеала.

Olen paju jokirannassa
talven hyisen tuulen
ja pakkasen
kohmetuksessa.
Mutta suojaään tullen
unohdan tyyten
kaikki vaivani
ja olen jälleen
valmis uskomaan
kevääseen.
Ja silmuni taas puhkeavat.
vaikka huomenna paukkaisi
vieläkin kovemmat pakkaset (1976: 46).

Я верба на берегу озера
из-за ледяных зимних ветров
и морозов
окоченела.
Но с наступлением оттепели

забываю совершенно
все трудности
и снова
готова поверить
в весну.
И мои почки опять распускаются.
даже если завтра ударят
ещё более сильные морозы.

Контакт человека и дерева настолько тесен, интимен, что лирический герой не случайно отождествляет себя именно с вербой – христианским символом торжества добра над злом, божественного воскресения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, образ дерева в творчестве Мишина имеет много значений: с одной стороны, это национальный символ, представляющий идеально-организованный мир, выстроенный по законам народной мудрости, настоящее которого тревожно, но будущее – возможно. Возможно благодаря любви к природе, своей национальной культуре, традициям предков и языку. С другой стороны, индивидуально-авторское представление образа дерева позволяет нам увидеть героя-странника, ищущего себя и свой путь в жизни через знакомые ему коды национальной культуры, которые создают особую эмоциональную глубину привычного образа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мишин О. Теплотрасса. М.: Молодая гвардия, 1972. 48 с. Здесь и далее: в тексте в круглых скобках указаны год издания и через двоеточие страницы.
- ² Мишин О. Второе зрение: Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1973. 71 с.
- ³ Мишин А. И. Тревожность: Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 120 с.
- ⁴ Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2013. С. 15.
- ⁵ Мишин О. Солнечный день: Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1970. 95 с.
- ⁶ Hiiri A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi: Karjala, 1976. 95 s.
- ⁷ Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений с финского языка на русский осуществлен автором статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. СПб.: Наука, 1997. 246 с.
2. Гидони А. Изнутри озаренный мир: (о стихах Олега Мишина) // Север. 1972. № 5. С. 122–125.
3. Ершов В. П. «Я полесник хвойных слов...» (Ель и сосна в творчестве Н. А. Клюева: образы смерти) // XXI век на пути к Клюеву: Материалы Междунар. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. С. 133–142.
4. Маркова Е. И. Лирика семидесятых годов // История литературы Карелии: В 3 т. / [Отв. ред. Ю. И. Дюжев]; РАН, Институт мировой литературы им. М. Горького; КарНЦ РАН, ИЯЛИ. Т. 3. Петрозаводск, 2000. 458 с.
5. Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997. 315 с.
6. Мишин А. И. Путешествие в «Калевалу». Петрозаводск: Карелия, 1988. 168 с.
7. Николаев В. И., Солоненко В. Г. Мир природы в поэзии Н. А. Клюева // XXI век на пути к Клюеву: Материалы Междунар. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. С. 143–152.
8. Чикина Н. В. Литература на карельском языке: истоки и тенденции. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 187 с.
9. Шокальский Е. «Распяться на древе – с Тобоем, в Тебе...» Лес, дерево и крест в лирике Клюева // XXI век на пути к Клюеву: Материалы Междунар. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. С. 119–132.

Maria V. Kazakova, Senior Teacher, Petrozavodsk State University,
Postgraduate Student, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

TREE SYMBOLISM IN BILINGUAL LYRIC POETRY BY ARMAS MIŠIN (aka Oleg Mišin and Armas Hiiri)

The article presents the results of the analysis of the representation of tree symbolism in the bilingual poetry of the national poet of the Republic of Karelia Armas Mišin (aka Oleg Mišin and Armas Hiiri) in the 1970s. The aim of the article is to study the symbolism of tree imagery in the poetry of Armas Mišin (aka Oleg Mišin and Armas Hiiri). The article deals with how the traditional notions of the Baltic-Finnish peoples about the relationships between man and nature (forest) are reinterpreted in the poet's work. The actuality and novelty of the research is that the poet's work is studied from this point of view for the first time. Tree imagery in his lyric poetry obtains a symbolic meaning of the renewal of life or rebirth: the lyrical hero goes into the forest, to a tree, in order to get to know himself, to find the peace of mind, disturbed by the chaos of everyday life. There are both generalizing images, forest and trees, and the specific names of trees outlining the forest and the city skyline. The dominant image of pine is a symbol of firmness, inflexibility and loyalty. In the bilingual lyric poetry tree imagery acquires the meaning of the memory of generations, growing into the image of a word tree, symbolizing the return of the lyrical hero to his origins through his native language and culture.

Key words: bilingualism, tree imagery, literature of Karelia, Armas Mišin, national code, world tree, word tree

For citation: Kazakova M. V. Tree symbolism in bilingual lyric poetry by Armas Mišin (Oleg Mišin – Armas Hiiri). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 31–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.348

REFERENCES

1. Alto E. L. Finnish-language literature of Karelia. St. Petersburg, 1997. 246 p. (In Russ.)
2. Gidoni A. The world illuminated from within: (poetry by Oleg Mišin). *Sever*. 1972. No 5. P. 122–125. (In Russ.)
3. Ershov V. P. "I am a forester of pine words..." (Spruce and pine in Nikolai Klyuev's poetry: death imagery). *XXI vek na puti k Klyuevu: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Olonetskie stranitsy zhizni i tvorchestva Nikolaya Klyueva i problemy etnopoetiki"*. Petrozavodsk, 2006. P. 133–142. (In Russ.)
4. Markova E. I. Lyric poetry of the seventies. *History of Karelian literature*. In 3 vols. (Yu. I. Dyuzhev, Ed.). Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. 458 p. (In Russ.)
5. Markova E. I. Creativity of Nikolai Klyuev in the context of the northern Russian verbal art. Petrozavodsk, 1997. 315 p. (In Russ.)
6. Mišin A. I. Journey to *The Kalevala*. Petrozavodsk, 1988. 168 p. (In Russ.)
7. Nikolaev V. I., Solonenko V. G. World of nature in Nikolai Klyuev's poetry. *XXI vek na puti k Klyuevu: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Olonetskie stranitsy zhizni i tvorchestva Nikolaya Klyueva i problemy etnopoetiki"*. Petrozavodsk, 2006. P. 143–152. (In Russ.)
8. Chikina N. V. Literature in the Karelian language: origins and trends. Petrozavodsk, 2018. 187 p. (In Russ.)
9. Shokal'skij E. "Crucify myself on a tree – with you, in you..." The forest, the tree and the cross in Nikolai Klyuev's lyric poetry: *XXI vek na puti k Klyuevu: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Olonetskie stranitsy zhizni i tvorchestva Nikolaya Klyueva i problemy etnopoetiki"*. Petrozavodsk, 2006. P. 119–132. (In Russ.)

Received: 30 May, 2019